

Глава 3. Зарождение заговора

В последующие дни Ваньянь Хунле, верный своему слову, время от времени подбрасывал сыну сложные политические задачи. Кан-эр с неизменным усердием давал на них развернутые ответы. При этом князь ни разу не обмолвился, доволен ли он рассуждениями сына. Впрочем, Кан и не спрашивал: он воочию видел, как предложенные им реформы медленно, но верно претворяются в жизнь. Порой молчаливое понимание — самая мудрая стратегия.

С уверенной улыбкой он толкнул дверь в кабинет отца.

— Отец-ван, — Кан замер на пороге.

Князь сидел за столом, а рядом с ним стояли двое мальчишек лет семи-восьми. Кан-эр на мгновение растерялся: обычно, когда отец занимался важными делами, стража у дверей всегда предупреждала о визитерах. Почему в этот раз они промолчали?

— Кан-эр, ты как раз вовремя, — Ваньянь Хунле подхватил ребенка на руки и указал на подростков. — С сегодняшнего дня эти двое — твои личные телохранители.

— Личные телохранители? — Кан нахмурился. — Это действительно необходимо? — Старые привычки из прошлой жизни давали о себе знать: он не любил, когда кто-то постоянно маячил рядом.

— Совершенно необходимо.

Услышав столь категоричный тон, Кан не стал спорить. Он знал: отец никогда не принимает решений без веской причины.

— Я понял, — отозвался он с легкой неохотой, но все же внимательно оглядел мальчиков.

Симпатичные ребята, даже красивые. Но способны ли они защитить его? Учитывая, с чем ему придется столкнуться в будущем... Кан едва заметно и горько усмехнулся. Он успел скрыть это от Ваньянь Хунле, но от внимания юных телохранителей оно не ускользнуло.

— Однако если их умений окажется недостаточно, я их не приму, — добавил Кан.

— Разумеется, — кивнул князь. Он и сам бы не доверил безопасность сына бездарностям. — Вы двое, покажите, на что способны.

Телохранитель — это не просто мастер боевых искусств, это человек с комплексом навыков. Впрочем, даже беглого взгляда хватило, чтобы понять: их техника боя еще... требует огранки. Но им всего по семь-восемь лет, время для совершенствования еще есть. Такова была его

первая мысль после того, как один из мальчиков продемонстрировал свое владение мечом.

Кан взял короткий кинжал и в точности повторил все только что увиденные движения. Это были лишь голые приемы, лишенные внутренней силы, но даже так его талант поражал: запомнить и воспроизвести технику с одного раза! Закончив, он в изнеможении прильнул к отцу — кинжал оказался слишком тяжелым для детской руки, а отсутствие внутренней силы давало о себе знать.

— Эта техника раскрывается в полной мере только при поддержке внутренней силы? — Кан задал вопрос так, словно заранее знал ответ, не терпящий возражений. — Как твое имя?

— Фэн.

— Отец, этот мне подходит, — решил Кан. Если Фэн сумеет укрепить внутреннюю энергию, мощь этого стиля не уступит никаким другим искусствам.

Второй мальчик оказался мастером легкого шага — его движения были на удивление стремительными, а внутренняя сила, судя по всему, превосходила навыки Фэна.

— А тебя зовут?..

— Юэ.

«Юэ? — Кан на мгновение задумался. — Надо же, и в этом мире есть кто-то с таким именем».

— Кажется, и этот одобрен? — Ваньянь Хунле с нескрываемой нежностью посмотрел на сына, и тот послушно кивнул.

На самом деле, Кан с самого начала не питал иллюзий. Даже лучшим телохранителям было бы трудно тягаться с преемниками Пяти Непревзойдённых. Для него сейчас было достаточно и того, что они сильнее его самого.

Спустя всего несколько дней после того, как Фэн и Юэ официально вступили в должность, Кан окончательно осознал замысел отца. В воздухе уже отчетливо пахло «порохом» — тем самым тяжелым напряжением, что всегда предваряет большую бурю.

Он понимал: ввязавшись в государственные дела, он неизбежно станет мишенью в придворных интригах. Но он не ожидал, что удар нанесут так скоро. Неужели влияние его отца стало настолько угрожающим для определенных кругов? Или же дело в том, что сам Ваньянь Кан — пока единственный внук императора, и кое-кто боится проиграть в гонке за престол, не успев ее начать?

«Если "единственный" исчезнет, все снова окажутся в равных условиях», — подумал он.

На его лице заиграла предвкушающая улыбка. Изящная карточка приглашения в его руках едва слышно шуршала, подхваченная легким сквозняком. Фэн и Юэ, наблюдая за своим маленьким господином, пребывали в полнейшем замешательстве. Они не понимали, почему ребенок в таком нежном возрасте ведет себя столь зрело и почему обычное приглашение на банкет вызывает у него такой странный, почти хищный интерес.

— До начала этого приема Фэн дежурит днем, а Юэ — ночью, — скомандовал Кан.

— Слушаемся, господин! — хором ответили юноши.

«До банкета здесь наверняка станет очень оживленно, — размышлял Кан. — А сам вечер обещает стать кульминацией».

— В таком случае, Юэ, иди отдыхай. Смена в час Свиньи.

— Слушаюсь, я удаляюсь.

Кан надеялся, что Юэ справится. За Фэна он не переживал: днем, под защитой многочисленной стражи поместья князя Чжао, вряд ли кто-то осмелится на открытое нападение. Даже в мире боевых искусств мастера высокого полета не станут делать ставки в заведомо проигрышной партии.

Кан вернулся в свои покои и, небрежно бросив на стол приглашение, которое на первый взгляд казалось совершенно безобидным, углубился в чтение свитков.

Фэн, несмотря на статус телохранителя, все еще оставался ребенком. Сжигаемый любопытством, он украдкой заглянул в приглашение. Не успел он положить его на место, как обнаружил, что маленький господин внимательно наблюдает за ним. Мальчик тут же отдернул руку, и карточка с негромким стуком упала на стол.

Фэн уже приготовился к суровому выговору, но стояла тишина. Подняв глаза, он увидел, что Ваньянь Кан снова спокойно читает книгу.

Если бы интрига была прописана в приглашении так явно, что ее мог бы заметить любой встречный, это не называлось бы заговором. Подобные тонкости понятны лишь тем, кто владеет тайной информацией. Кан не видел смысла объяснять всё это Фэну, позволяя тому и дальше мучиться в догадках. Что же касается самоуправства с письмом... это было настолько незначительно, что Кан не счел нужным тратить силы на гнев.

Фэн же в этот момент испытывал странную смесь чувств. С одной стороны, он был рад, что молодой господин оказался добр и не стал его наказывать. С другой — его грызла досада: он

был гораздо старше Кана, так почему же тот вел себя так, будто познал все тайны мироздания, в то время как сам Фэн не понимал ровным счетом ничего?

В конце концов, он пришел к единственному доступному ему выводу: «Наследник есть наследник, и нам, простым смертным, его не понять».

<http://bllate.org/book/17543/1700544>